

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук Борисовой Анастасии Сергеевны
на тему: «Анализ средств художественной выразительности в японском тексте Книги Псалтирь»
по специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья (литература азиатского и африканского регионов)».

Прежде всего, следует отметить, что, совершенно не являясь специалистом в области японской филологии, я могу в своем отзыве коснуться только той части диссертационной работы, которая относится к переводам Библии. Кроме того, в этом отзыве критические замечания будут представлены не в самом конце, как это делается обычно, а по мере обсуждения той или иной части работы.

Что касается **актуальности избранной темы**, она достаточно высока в связи с той ролью, которую играют в современном мире переводы классических текстов, насколько важно осмыслять их рецепцию в разных культурах и взаимодействие поверх языковых и культурных барьеров. В отечественной науке эта тема получила пока недостаточное освещение.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, также представляется достаточной, хотя здесь придется высказать первое критическое замечание. Работа охватывает довольно широкий спектр проблем и понятно, что диссертант не может быть экспертом по каждой из них. Но в таком случае следовало бы привести ссылку на те труды, которые можно считать наиболее

полным, широким и точным изложением современного научного взгляда на данные проблемы. По истории Израиля в библиографии есть одна такая работа: Grabbe L. *Ancient Israel: What Do We Know and How Do We Know It?* – A&C Black, 2007. Во-первых, существует исправленное и дополненное издание этой же книги 2017 г., но дело даже не в этом: в работе, судя по всему, материалы этой книги не отражены никак.

Совершенно нет в библиографии ни одной современной русской работы по теории и практике библейского перевода, западные работы приведены достаточно случайные и не самые актуальные для выбранной тематики, кроме вот этого издания: Вэндленд Э.Р. *Гармония и алгебра Псалтири: литературный и лингвистический анализ библейских псалмов.* – Институт перевода Библии, М., 2010. Недавно вышедшая и на русском языке книга могла бы помочь прояснить вопросы теории перевода: Пим Э. *Теоретические парадигмы в переводоведении* – Санкт-Петербургский университет, 2018. Неловко говорить, но уже четыре года существует и эта книга: Десницкий А.С. *Современный библейский перевод: теория и методология.* – ПСТГУ, М., 2015. В библиографии к этим двум изданиям можно найти много ценных ссылок, в т. ч. и на русском языке.

Ну и в том, что касается библейской поэзии, довольно странно видеть приведенные через запятую работы Лаута и Олесницкого из XIX века и мой собственный труд из начала XXI, как будто не было классических трудов второй половины XX века, без которых сегодня трудно говорить о библейской поэзии: Р. Олтер, А. Берлин и др.

В целом достоверность и новизна исследования, полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации вопросов не вызывает, прежде всего по той причине, что

выводы сформулированы осторожно и оспорить их трудно. Мне лично не хватило конкретики в заключительной части, но тут скорее должны судить специалисты по японскому языку и японской литературе.

Основная значимость для науки и практики полученных автором результатов связаны прежде всего с тем, что в отечественную науку вводится целый ряд проблем, которые прежде, насколько я могу судить, ускользали от внимания российских японистов, притом эти проблемы описаны достаточно полно и корректно. Полагаю, что в этом и состоит главное достижение диссертационной работы.

Что касается содержания диссертации, то после краткого и в то же время содержательного введения идет *первая часть*. Она, что вполне логично, описывает историю библейских переводов на японский язык и выбирает два из них для дальнейшего рассмотрения. Эти переводы охарактеризованы достаточно полно и поставлены в общий исторический и культурный контекст.

Вторая часть посвящена анализу переводческих проблем и путей их решения, причем ключевыми здесь оказываются параллелизм как основной принцип построения библейской поэзии и метафора, которую современные исследователи склонны считать самой важной фигурой речи, универсальной по сути и своеобразной для каждого народа и языка. Можно полностью согласиться, что анализ именно этих составных элементов библейского поэтического текста позволяет наиболее полно и точно охарактеризовать существующие переводческие проблемы и увидеть основные пути их решения. В этой части прекрасно показана специфика и библейской, и (насколько я могу судить) японской поэтики.

Впрочем, к этой части будет относиться большинство моих сомнений

и возражений. Начнем с того, что оригиналы переводимых текстов не приведены, и даже не очень понятно, с какого именно текста в том или ином случае делался перевод. На с. 116, например (хотя это уже третья часть), говорится об «англоязычном источнике» перевода – означает ли это, что переводчики совершенно не заглядывали в древнееврейский текст и переводили исключительно с английского? Это было бы крайне странно, для таких языков, как японский с его давней литературной традицией и множеством носителей, такая практика не принята, она скорее характерна для младописьменных языков меньшинств. Другое дело, что английский перевод мог служить моделью, которой следовали японские переводчики. В любом случае, этот вопрос необходимо прояснить.

В некоторых случаях не дается никакого указания на номер псалма и стиха, например, к обширным цитатам на сс. 60-61. Это мелочь, но такая мелочь, которая затрудняет проверку достоверности результатов.

Говоря о метафоре и параллелизме, диссертант практически ничего не говорит о своем понимании этих сложнейших и неоднозначных понятий. Так, можно предположить, что концептуальная метафора – это одна из разновидностей метафор (наряду с онтологическими и ориентационными). Но откуда берется такая классификация, что отличает онтологическую метафору от концептуальной? По-видимому, имеется в виду все же особый подход ко всем метафорам вообще, как пишет и сам автор: «Современная когнитивная наука о языке, как уже неоднократно говорилось выше, рассматривает метафору как когнитивный механизм, устанавливающий связи между различными смысловыми полями» (с. 71). Но тогда это методологическое замечание относится ко всем метафорам, странно видеть его в одном из подразделов.

Что касается классификации параллелизма, с ней как раз все ясно. Но эта классификация дана, по сути, в том самом виде, в каком ее предложил два столетия назад (!) Р. Лаут, как будто с тех пор не было предложено серьезных уточнений и иных моделей. Говоря (и вполне верно) о современном подходе к метафоре, автор почему-то оставляет понимание параллелизма в общем и целом на уровне начала XIX в.

В результате появляются высказывания, смысл которых трудно понять, например: «Употребление гиперболы говорит об умении выделять основополагающий момент определённого концепта и развитием использовании смысловых оттенков» (с. 92). Признаться, я не смог понять, что имеется в виду.

Становится заметно, что библейский материал диссертанту знаком меньше японского. Говорить о «рифме в библейской поэзии» (с. 100) все же нельзя, только о созвучиях, акростих встречается, но нельзя сказать, что он «нередок» (с. 112): из 150-ти псалмов он встречается менее, чем в 10-ти.

Третья часть посвящена анализу библейской идиоматики, прежде всего – связанной с Единым Богом и Единым Храмом, с двумя понятиями, отсутствующими в собственно японской культуре. Пожалуй, это самая интересная часть работы. Очень верно подмечена проблема перевода слов *Бог* и *Господь*, которая существует во множестве языков мира. Образ Храма также исключительно важен для понимания всей библейской поэзии и ее переводов.

Есть некоторые ошибки с библейским материалом и в этой части. Можно сказать, что «Иерусалим был фактически единственным большим городом в Иудее» (с. 118), но только не во времена царя Давида, а на несколько столетий позднее. Что же касается «перехода к монотеизму в

древнееврейской культуре» (с. 124), то это предмет напряженной дискуссии. Во всяком случае, утверждать, что он «начинается с объединением государства вокруг столицы и Храма» я бы не стал, т. к. это одна из возможных реконструкций (и в самой Библии строительство Храма описывается как следствие утверждения монотеизма, а не как его начало).

Ну, а утверждение, что «самые крупные куски Пятикнижия носят условные названия Яхвист и Элохист» (с. 124) выдает неполное знакомство автора с т.н. «документальной гипотезой» Ю. Велльгаузена и его коллег. Впрочем, для данной диссертации эта гипотеза совершенно не нужна, так что можно было без этого упоминания обойтись. Корректнее было бы сказать: предполагаемым авторам текстов, вошедших в состав Пятикнижия, даны были условные имена Яхвист и Элохист (выделяются также Девтерономист и автор Священнического кодекса). Но это никак не «крупные куски текста».

Пожалуй, главное замечание заключается в том, что в диссертационной работе мне не хватило четвертой части (по порядку она могла бы быть первой или второй), а именно – методологической. Диссертант свободно оперирует не слишком широко распространенными и спорными, на мой взгляд, понятиями *центрация* и *нонселекция*, как будто они настолько же распространены, как, к примеру, *метафора* или *идиома*. По-видимому, стоило бы потратить пару абзацев на прояснение этих понятий, не ограничиваясь общими ссылками на Ж. Деррида и Ж.-Ф. Лиотара.

Впрочем, главная трудность не в этом – она, скорее, в практически полном отсутствии какой бы то ни было методологической базы по собственно библейскому переводу. Наблюдения и выводы диссертанта в общем и целом убедительны, но они выглядят скорее эмпирическими, не очень понятно, как соотносятся они с современным переводоведением.

Например, говоря в терминологии К. Рай, Х. Фермеера и К. Норд, каков *скопос* каждого из двух рассмотренных переводов и в какой мере это определяет разницу в переводческих подходах и практических решениях переводчиков?

Что касается методологии, вероятно, стоило бы четче выделить типичные переводческие проблемы и показать разницу в подходах к их решениям. В принципе, в диссертации такой подход есть, но опять-таки выглядит скорее эмпирическим.

Заключение предлагает конкретные выводы, хотя мне, как уже было сказано, не хватало в нем более решительных и четких формулировок.

В целом работа выполнена очень аккуратно, в ней незаметны опечатки и погрешности оформления. Я нашел только одну, да и то спорную: в русской транскрипции принято называть гору Гаризим, а не Гризим (с. 131), но и такой вариант изредка встречается.

Высказанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья (литература азиатского и африканского регионов)» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Несмотря на отмеченные недостатки, полагаю, что соискатель

Борисова Анастасия Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья (литература азиатского и африканского регионов)».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук

ДЕСНИЦКИЙ Андрей Сергеевич

/подпись/

15.12.2019

Контактные данные:

Тел.: - m

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.01.03 литература народов стран зарубежья
(литературы народов стран Азии)

Адрес места работы:

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Тел.: +7 495 6259307, e-mail: ancientorient@yandex.ru

